

Все, кто приходит - это гости, все зависит от ног.

Настоящее:

Цзян Сяонин услышал, как Хань Цзя открыл дверь главного дома, которая вела во двор. Некоторое время он стоял неподвижно, но ничего не слышал, кроме шума воды.

Он не то чтобы не знал, что Хань Цзя не желает этого, но когда он увидел его ненасильственный и несговорчивый вид, его охватил гнев. Унизительные слова, которые он намеренно произнес, получили лишь равнодушный ответ, без намека на ярость или боль. Это заставило Цзян Сяонина почувствовать, что он недостаточно силен. Когда он посмотрел вниз и увидел, что член все еще расцветает без необходимости, он в порыве раздражения засунул его обратно в штаны и проигнорировал. Он только чувствовал себя мрачным, сдерживая чувство негодования, которое, казалось, не хотело вырываться наружу. По правде говоря, он не знал точно, почему он так себя чувствует.

Он поднял постельное белье, разбросанное по полу, немного погладил его и сложил после того, как убедился, что оно чистое. Затем он привел в порядок кровать и положил две подушки вместе, но, подумав, положил одну подушку у изголовья, а другую в изножье кровати.

Посмотрев на две подушки, он вдруг схватил подушку, лежащую в конце кровати, и бросил ее в изголовье. Сила, которую он применил, была настолько безжалостной, как будто эта подушка была его врагом.

После того, как Хань Цзя был подавлен, рана от укуса на руке Цзян Сяонина снова кровоточила. Поэтому, когда он бросил подушку, он случайно вызвал боль. Чувствуя сильное раздражение, он крайне грубо сорвал бинт с руки.

Вернувшись к столу, он нашел в аптечке лекарство, которое для него приготовил Хань Цзя. Темно-желтый порошок имел жгучий эффект, поэтому прикладывать его к ране было ужасно больно. Без единого звука он снова наложил лекарство и нашел бинт, чтобы обернуть руку. Поскольку бинт был не из тех, к которым он привык, он не мог его разорвать. Он вспомнил, что Хань Цзя разрезал его ножницами, поэтому посмотрел на стол, но там их не было. И тут он вспомнил, что когда он напал на Хань Цзя, ножницы, кажется, упали на пол.

Когда он присел, чтобы найти ножницы, он забыл, что не только бинт все еще обернут вокруг его руки, но и сам рулон все еще находится в аптечке. Поэтому, когда он наклонился, бинт дернулся, в результате чего он внезапно выскочил из коробки с лекарствами и ударился о стоящую на столе бутылку с лекарствами.

Бутылочка перевернулась и упала на пол, но не разбилась. Затем она прокатилась, высыпав большое количество порошка.

Цзян Сяонин быстро поднял бутылочку с лекарством. Однако от этого движения бинт упал со стола и покатился к двери. Это еще больше разозлило Цзян Сяонина. Он бросил ножницы и стал рвать бинт рукой, что привело к тому, что из раны пошла кровь.

- Что ты делаешь? - раздался голос Хань Цзя от двери.

Цзян Сяонин с горечью посмотрел на него, опустил голову и продолжил разрывать бинт. Он услышал, как Хань Цзя вздохнул, поставил таз с водой на угол стены и подошел к нему. Хань Цзя присел перед ним, взял ножницы и разрезал бинт.

Цзян Сяонин молчал, опустив голову и полуприсев на землю. Хань Цзя также не обратил на него внимания. Он поднял с земли бутылку с лекарством и бинт, отрезал грязную часть, собрал аптечку и унес ее.

Через мгновение он вернулся.

- Шевелись, мне нужно подмести пол.

Однако Цзян Сяонин не двигался.

- Цзян Сяонин?

Он решительно не двигался.

Видя это, Хань Цзя фактически проигнорировал его и отошел, чтобы положить метлу в главной комнате. Цзян Сяонин встал и последовал за ним, а когда Хань Цзя обернулся, он обнял его. Возможно, из-за того, что он только что вернулся со двора, тело Хань Цзя было очень холодным. Когда Цзян Сяонин почувствовал дуновение холодного воздуха у своей груди, он не смог удержаться и крепко обнял его.

- Почему ты не ругаешься на меня?

Цзян Сяонин подавил борьбу Хань Цзя и прошептал ему на ухо.

- Раньше ты ругал меня и говорил, что у меня характер бешеной собаки, и что если я столкнусь с чем-то, что меня не удовлетворит, я взбунтуюсь.

Цзян Сяонин подождал мгновение, но Хань Цзя не ответил.

- Что-то я сегодня не очень удовлетворен.. - усмехнулся он. - Ты не спросил Юй Сюй Цзюнь о ее работе. Ты не спросил, какая у меня сейчас работа и как я справляюсь. Ты также не спросил, помогаю ли я кому-то издеваться над тобой... Хань Цзя, я искал тебя пять лет и бежал сюда. Пока ты говоришь хоть слово, я могу делать все, что угодно... но ты совершенно изменился. Я тебе совсем безразличен. Хань Цзя, я действительно ненавижу тебя. Ты бессердечен. Ты бросил меня. Ты забыл. Ты никогда не пускал меня в свое сердце...

Поскольку в главной комнате не было света, выражение лица Хань Цзя не было видно. Цзян Сяонин чувствовал, как будто у его собственного сердца не было основы, чтобы ограничить его страдания.

"Думай, что хочешь, я все равно ублюдок."

Сдавшись и поддавшись отчаянию, он обнял Хань Цзя за шею и поцеловал его в губы.

Губы Хань Цзя были холодными, что позволило Цзян Сяонину еще больше ощутить собственную страсть. Кончиком языка он разделил холодные, мягкие губы и погрузился внутрь, чтобы изучить вкус. Он старался не быть слишком интенсивным, но Хань Цзя не сопротивлялся. Если даже намек на его реакцию существовал, такое чувство не было странным. Как и пять лет назад, Хань Цзя все еще был экспертом в отступлении, чтобы соблазнить его, заставить забыть ненависть, отвращение и полностью пасть без сопротивления.

Его рост, вес и сила могли увеличиться, но перед Хань Цзя он все еще был легко управляем.

Цзян Сяонин увеличил силу своих губ и языка. Он хотел проигнорировать тонкое соблазнение

Хань Цзя и ввести его в ритм своего поцелуя. Однако он полностью сдался, когда рука Хань Цзя коснулась его члена. Это вызвало из его горла разочарованный и пьянящий стон, который в конечном итоге полностью лишил его роли доминанта. Он позволил языку Хань Цзя проникнуть в его рот - вроде бы осторожно, но с любопытством. Он позволил его дыханию задержаться во рту, вызывая ощущение жжения и трепета. Обе руки Цзян Сяонина уже спустились с плеча Хань Цзя и обхватили его задницу, чтобы прижаться к нему. Когда Хань Цзя расстегнул штаны, Цзян Сяонин прильнул к его руке, как пять лет назад... они не расставались, и он все еще был под впечатлением, что Хань Цзя действительно любит его. Тогда они были близки и беспринципны. Подобные ощущения были похожи на плавание над морем, когда одновременно кружится голова от морской болезни, и ты расслабляешься при виде непревзойденных пейзажей. Цзян Сяонин издал приглушенный стон и слегка покачивался на члене Хань Цзя. Помимо того, что Хань Цзя держал его за руку, влажного и роскошного ощущения их языков, слившихся воедино, а также его легкого и отчаянного дыхания, весь мир словно исчез.

Движения Хань Цзя постепенно становились все быстрее, а затем к ним присоединилась и другая его рука, пальцы умело и с энтузиазмом возились с его яйцами. Приятные ощущения снова и снова омывали тело Цзян Сяонина. Тепло все больше и больше концентрировалось на члене в руке Хань Цзя, а затем устремилось вверх. Хань Цзя, казалось, знал о его возбуждении, так как обе его руки ловко контролировали силу и скорость. Цзян Сяонину было трудно терпеть, поэтому он углубил их страстный поцелуй. Затем, быстро задышавшись, он достиг кульминации и кончил в руки Хань Цзя. Он отпустил губы Хань Цзя и сделал несколько глубоких вдохов. Когда последствия кульминации прошли, он заметил, что все еще довольно энергично прижимается к талии Хань Цзя. Он немного расслабился и хотел снова поцеловать Хань Цзя, но Хань Цзя оттолкнул его. Его голос был спокойным, без малейших признаков страсти.

- Теперь ты удовлетворен?

- Что? - Цзян Сяонин никак не отреагировал.

- Ты действительно ничуть не изменился. - Голос Хань Цзя был таким же ровным, как если бы он не был в объятиях Цзян Сяонина. Или его рука не была испачкана спермой Цзян Сяонина. Цзян Сяонин нахмурился из-за его голоса. Он обхватил талию Хань Цзя с огромной силой, что даже сам Цзян Сяонин почувствовал боль. Однако Хань Цзя был безразличен и отстранен, он сказал холодным голосом.

- У меня, естественно, есть способ самому разобраться с Юй Сьюй Цзюнь. Что касается того, какие у тебя с ней отношения, какую работу ты сейчас выполняешь или как у тебя дела, меня это не интересует. Ни капельки. Он засмеялся и продолжил: - Ты мне никогда не нравился, и я тебе тоже не очень-то нравлюсь. Разве я не ясно сказал тебе об этом пять лет назад? Тебе нравится делать это со мной, мне все равно. Но не говори ничего другого. Не говори ничего такого, во что ты сам не веришь.

С этими словами он потянулся, чтобы снять руки Цзян Сяонина со своей талии. Цзян Сяонин подсознательно разжал руки и сделал шаг назад. Вскоре после этого Хань Цзя толкнул дверь во двор. Цзян Сяонин отчетливо слышал, как он мыл руки в воде. Затем Хань Цзя вернулся, прошел мимо него и вошел в комнату, за ним тянулся прохладный ветерок. Сердце Цзян Сяонина наполнилось нежеланием и гневом. Он мог преследовать его, хватать, допрашивать, обвинять, игнорировать его готовность и заниматься с ним любовью, и даже скрытно вести себя с ним испорченно, как минуту назад, но что толку? Это только усугубило бы ситуацию.

Хань Цзя был прав. Он совсем не изменился. Его глубоко укоренившаяся одержимость Хань Цзя, его дерзкое и несдержанное поведение, его готовность причинить вред себе и другим, когда он разозлится, все еще существовали. Возможно, пять лет назад его можно было назвать милым и не обращать на это внимания, но теперь его действия заставили бы Хань Цзя избегать его, как чумы. Но он сам ошибался, изменения в Хань Цзя действительно были. Он больше не говорил ободряюще, больше не улыбался из-за своей одержимости, больше не показывал нежный взгляд из-за своего необдуманного поведения, больше не расширял свои испорченные действия.

Единственное, что не изменилось спустя пять лет, это то, что Хань Цзя по-прежнему не хотел его.

<http://bllate.org/book/14198/1251315>